

Шляков Алексей Владимирович

АЛКОГОЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МОДЕЛЬ НОМАДНОСТИ

В статье исследуется алкогольное путешествие как такое экзистенциальное изменение состояния сознания, при котором возникает новое, нехарактерное для повседневной яви, восприятие времени. На основании сопоставления стадий алкогольного путешествия и фаз номадических скоростей выявлено тождество хроновосприятия, характерного для алкогольного опьянения, и особенностей переживания времени номадом (кочующим субъектом), позволяющее говорить об алкогольном путешествии как модели номадности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/61.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. I. С. 205-207. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

на несение тройной нагрузки: семейной, связанной с детьми и домашним хозяйством; рабочей, так как она вовлекалась в процесс общественного производства, то есть фактически ее заставляли трудиться вне дома; общественно-политической, поскольку вынуждалась к определенной социальной и политической деятельности.

Список литературы

1. Адухов М. Д. Становление и развитие светского образования в Дагестане: вторая половина XIX – XX в.: дисс. ... д.и.н. Махачкала, 2004. 500 с.
2. Ахмадова М., Абубакарова А. Чеченская женщина в условиях социально-экономического и культурного строительства в Чеченской автономной области 20-30-х гг. XX века // Вайнах. 2014. № 1. С. 85-90.
3. Власть Советов. 1929. 16 мая.
4. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 7. Терский губернский комитет РКП(б) (губком). 1921-1924 гг. Оп. 1.
5. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 164. Оп. 1.
6. Даль В. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х т. М., 1984. Т. 1. 383 с.
7. Комсомол в Адыгее: Адыгейский (Черкесский) областом РЛКСМ // Смена. 1924. № 14.
8. Коршун О. (Ставрополь) «Мир повседневности» женщины в 20-е гг. XX века в Ставропольской губернии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/168> (дата обращения: 24.01.2015).
9. Котов В. Северный Кавказ в 30-40-е годы. Проблемы этно-демографического развития // Россия XXI. 1996. № 1-2. С. 66-80.
10. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941 гг.). Майкоп, 1995. 286 с.
11. Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и А. Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 174-186.
12. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. М., 1959. 602 с.
13. Скоропад А. Э. «Одевичивание» комсомола как составляющая политического контроля // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2013. № 2. С. 234-238.
14. Слезин А. А. Сельский комсомол 1920-х годов: реалии «одевичивания» // Женщины села: проблемы адаптации к историческим условиям России. Оренбург, 2002. С. 80-85.
15. Текуева М. А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006. 260 с.
16. Хутыз К. К. Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки (на материалах адыгских народов Северного Кавказа). Ростов н/Д, 1993. 362 с.
17. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 2. Оп. 1.
18. Ярцев Г. Комсомольское обозрение // Смена. 1924. № 3.

CHANGES OF STEREOTYPES OF WOMAN'S BEHAVIOR IN THE NORTH-CAUCASUS KRAI IN THE 1920S

Shitova Anastasiya Aleksandrovna
Tambov State Technical University
anastasiya353@mail.ru

The article gives a short review of means and methods, which were practiced by the party-government apparatus for the solution of "female issue" in the North-Caucasus Krai in the 1920s. Special attention is given to the policy of the elimination of illiteracy among the women, who lived in villages and national outlying districts. The purposeful character of the party policy in relation to women, its relative flexibility are ascertained. The consistent participation of the Komsomol in holding this policy is pointed out.

Key words and phrases: female issue; new woman; Komsomol; Bolshevik policy; struggle against illiteracy; destruction of traditions; the North-Caucasus Krai.

УДК 130.3

Философские науки

В статье исследуется алкогольное путешествие как такое экзистенциальное изменение состояния сознания, при котором возникает новое, нехарактерное для повседневной яви, восприятие времени. На основании сопоставления стадий алкогольного путешествия и фаз номадических скоростей выявлено тождество хроновосприятия, характерного для алкогольного опьянения, и особенностей переживания времени номадом (кочующим субъектом), позволяющее говорить об алкогольном путешествии как модели номадности.

Ключевые слова и фразы: алкогольное путешествие; время; номадическая скорость; инобытие; настоящее.

Шляков Алексей Владимирович, к. соц. н.
Тюменский государственный нефтегазовый университет
schafferhund@rambler.ru

АЛКОГОЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МОДЕЛЬ НОМАДНОСТИ®

Проблема алкоголизма до конца XX в не являлась предметом философского осмысления. В эпоху постмодерна она становится частью онтологической проблемы: стремление человека выйти за пределы наличного

бытия и обращение к более привлекательному инобытию [3]. В традиционных европейских культурах наблюдается присутствие легализованного употребления спиртного, обеспечивающего выход людей в инобытие (алкогольное путешествие) через измененное состояние сознания, к которому относятся терпимо, с пониманием, хоть и не поощряя явно. Это состояние важно и для самой реальности, так как им создается качество самой яви, устанавливаются ее пределы, создается контраст, делающий явь непривлекательной, условной. Однако именно в реальности происходит общая настройка сознания на ощущение определенной скорости течения времени и выработка соответствующей жизненной интенсивности, способности наполнять единицу времени событийным рядом [5, с. 202].

Пребывание в алкогольном опьянении есть акт переживания состояний, которые, на наш взгляд, тождественны модальностям номадического субъекта при разных скоростях, что позволяет предположить о единой природе номадности и алкогольного путешествия, заключающейся в особом восприятии течения времени. Как пишет Ж. Делез, алкоголизм – это не поиск удовольствия, а обретение эффекта затвердевания настоящего, то есть создание новой хроносенсорики [2, с. 206].

Алкоголик пребывает одновременно в двух временах: находясь внутри застывшего настоящего, другой момент может быть заполнен или будущими грезами, или прошлыми воспоминаниями. В опьяненном состоянии субъект отождествляет себя с объектами своей любви (ненависти), страданий (удовольствия), при этом переживаемая им твердость настоящего позволяет удержать реальность на расстоянии.

На первой стадии алкоголизации, как пишет Ж. Делез, «алкоголик живет не в прошедшем времени несовершенного вида [l'impair]; у алкоголика есть лишь сложное прошлое, прошедшее совершенного вида [passé composé]» [Там же, с. 208]. Употребляя спиртное, субъект так составляет воображаемое прошлое, как если бы мягкость причастия прошедшего времени соединялась с твердостью вспомогательного настоящего: «я бывало – любил, я бывало – делал, я бывало – видел» [Там же]. В этих выражениях обнаруживается способность опьяненного субъекта переживать один момент в другом, что доставляет определенную эйфорию от власти над временем. Настоящее в этих выражениях относится к глаголу «бывало», а онтологическое содержание выступает как прошлое, но не как дистанцированное или завершенное, а как одновременный момент соучастия и идентификации основного смыслового глагола.

Такое взаимодействие текучего прошлого и кристаллизованного настоящего происходит до наступления второй стадии, которую Ж. Делез обозначил выражением: «я бывало – напьюсь». В этой фазе алкогольного путешествия настоящее уже не выступает как момент алкогольного эффекта, а становится эффектом эффекта. Твердое настоящее теперь меняет смысл, становясь безвластным и не принимая в себя иное время, отдаляясь от него. Прошлое, которое содержало в себе бывлые отождествления, в том числе и трезвой жизни, удаляется. Оно обретает дистанцию, которая пока еще не необратима на фоне расползания расширяющегося настоящего. Вспомогательное настоящее «бывало» теперь лишь выражает бесконечную удаленность всех бытийных содержаний. В этом эффекте содержится депрессивный аспект алкогольного путешествия.

Когда алкогольное путешествие порабощает, делая невозможным возврат к началу пути, а потребление спиртного становится необходимостью, наступает третья стадия, предлагающая иную деформацию времени. В этом состоянии любое будущее с необычайным ускорением переживается как будущее совершенное. Прошлое, достигнув необратимого дистанцирования, исчезает: и трезвое, и пьяное. Это побуждает к постоянному продлению путешествия, то есть к новым выпивкам для празднования победы над застывшим настоящим, в котором таится смерть. На этой стадии путешествие одновременно содержит объект, потерю объекта и закон, управляющий этой потерей. Здесь начинает царствовать совершенное будущее, которое превращает существовавшее «Я буду» в «Я не буду тем, что будет».

Исследования трудов В. И. Красикова и А. К. Секацкого позволяют обнаружить связь между экзистенциальными особенностями стадий опьянения и переживаниями, свойственными номаду при переходе от одной номадической скорости к другой [4-6].

Алкогольное путешествие – это номадический эксперимент, скачок в инобытие, опыт новой номадной хроносенсорики. Рассмотрим абстрактный полный цикл прохождения всех стадий опьянения, соотнося их с номадическими скоростями.

Первая стадия алкогольного путешествия, которую выделяет В. И. Красиков как акт эйфорического возбуждения, представляет собой фазу скорости, обозначаемую как «предчувствие номада». Для этой стадии характерна временная растяжка, которая возникает вследствие промежутка между действием алкоголя на организм и на сознание: физиологические процессы ускоряются, но сознание фиксирует их в прежней временной длительности [4, с. 202]. Это стадия предчувствия номада, момент экзистенциального затишья, стадия принятия решений. В этот момент все привычное, связанное с жестким расписанием, оставляется, ежедневные дела – откладываются. Дорога еще никуда не привела, но уже позволила вырваться из пресса времени. Эта часть пути связана с раздумьем о том, что и кто будут покинуты. «Если дорога не экранирована от собственного времени в пути, если нет заикленности на пункте прибытия, то наступает предчувствие номада» [6, с. 229]. В этот момент ставится под сомнение необходимость исполнения обещаний тем, кому обещал, и необходимость быть в ответе перед теми, кого приручил. Происходит преодоление собственной неизымаемости.

Стадия стабилизации, выделяемая в алкогольном путешествии, экзистенциально соответствует первой номадической скорости. Время свертывается и происходит ускорение проживания. Переживание длительности часов сокращается. Субъект вступает на путь номада. В пути совершается удаление от привычного и приближение к непривычному, «ближние» становятся чужими, а «дальние» становятся желанными. Происходит

частичное покидание «Я». Когда позади оставлены все подтверждения нашей самости со стороны близких и знакомых, то признанность «Я» становится проблематичной. Отсутствие визуального подкрепления привычной телесности и устойчивого ролевого репертуара есть признак «брошенности», то есть обретения субъектом первой номадической скорости или свободного падения: внимание рассеивается, возникает про-скальзывание по поверхности лиц, по темам беседы, по проблемам.

В следующей депрессивно-карнавальной стадии, в которой достигается вторая номадическая скорость, время набирает большую скорость, не заметную для сознания. Осуществляется самосборка «Я» в новых условиях движения. Возникает потребность выйти за социально-принудительные границы правильности, которые сдерживают естественную спонтанность проявления чувств и мыслей. Прежние стационарные условия были стабильны и просто перегруппировывали уже имеющиеся навыки адаптации, но в новой стадии это не может осуществиться, так как длящееся нахождение в пути сталкивает расплывчатую самость с другими расплывчатостями [Там же, с. 230]. Нет места обрастанию тяжестью тела, поэтому субъект обретает летучую форму, элементы которой удерживаются лишь притяжением собственного кочующего центра. Эта вторая скорость создает легкость тела, легкость на подъем, позволяет пробивать плотные слои озабоченности.

Последняя галлюциногенная стадия – стадия набора третьей номадической скорости, стадия невозвращения. В ней исчезает нормативная система координат реальности. Индивидуальная история этой стадии существует, умалчивая особенности собственных жизненных впечатлений. А раз нет воспоминаний, то нет и существования в повседневности. Жизненный цикл, свернутый в сутки, становится побудительной причиной продолжения алкогольного путешествия, ответом на зов выйти из размеренного растянутого жизненного процесса и прожить иной вариант жизни, меняя надоевшие идентичности. Это состояние позволяет вырваться из посюстороннего мира и преодолеть трагизм обреченности на вечные скитания, окончательно порвав с привязанностями.

О кочевых свойствах алкоголя упоминает и Ж. Аттали: «Те, кому окажутся недоступными мечты о настоящих путешествиях, будут употреблять наркотики и алкоголь – эти кочевые субстанции для побежденных грядущего тысячелетия. Они дают возможность для внутренней миграции, становясь побегом из этого мира, который ничего им не предлагает» [1, с. 68].

Таким образом, алкогольное путешествие как модель номадности представляет собой периодическое выпадение из повседневной реальности с ее устойчивым восприятием длительности времени, попытку властвования над временем. Это обретение определенных степеней свободы, возникающих в различных стадиях путешествия, при различных номадических скоростях. При первой стадии (скорости) рвутся привычные узы, усиливается дистанцирование, при второй субъект преодолевает силу инерции зависимости от взаимозабот. Третья пробуждает позывы авантюрного разума и ведет к утрате «массы покоя», весомости бытия и груза собственной самости. На малых скоростях число степеней свободы ограничено, и возможна кристаллизация (отрезвление, возврат в реальность). Только третья скорость порождает потребность к ежедневному началу бытия заново и может сделать уход в инобытие необратимым.

Список литературы

1. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия / пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1993. 70 с.
2. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. Я. Свирского. М.: Академический проект, 2011. 472 с.
3. Касимов Р. Х. Функционирование смеха в эпоху постиндустриализма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (18). С. 64-68.
4. Красиков В. И. Человеческое присутствие: монография. М.: Гриф и К, 2003. 288 с.
5. Красиков В. И. Экзистенциальные особенности измененных состояний сознания (алкогольное путешествие) // Гуманитарные исследования: ежегодник: сб. науч. ст. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 202-207.
6. Секацкий А. К. Три шага в сторону: роман, эссе. СПб.: Амфора, 2000. 278 с.

ALCOHOLIC TRAVEL AS MODEL OF NOMADIC NATURE

Shlyakov Aleksei Vladimirovich, Ph. D. in Sociology
Tyumen State Oil and Gas University
schafferhund@rambler.ru

The article studies alcoholic travel as such existential altered state of consciousness, in which there is new, uncharacteristic for everyday reality perception of time. Basing on the comparison of alcoholic travel stages and nomadic speed phases the author reveals the identity of chronoperception typical of alcohol intoxication, and the features of time experience by the nomad (nomadic subject) that allows talking about alcoholic travel as a model of nomadic nature.

Key words and phrases: alcoholic travel; time; nomadic speed; otherness; the present.